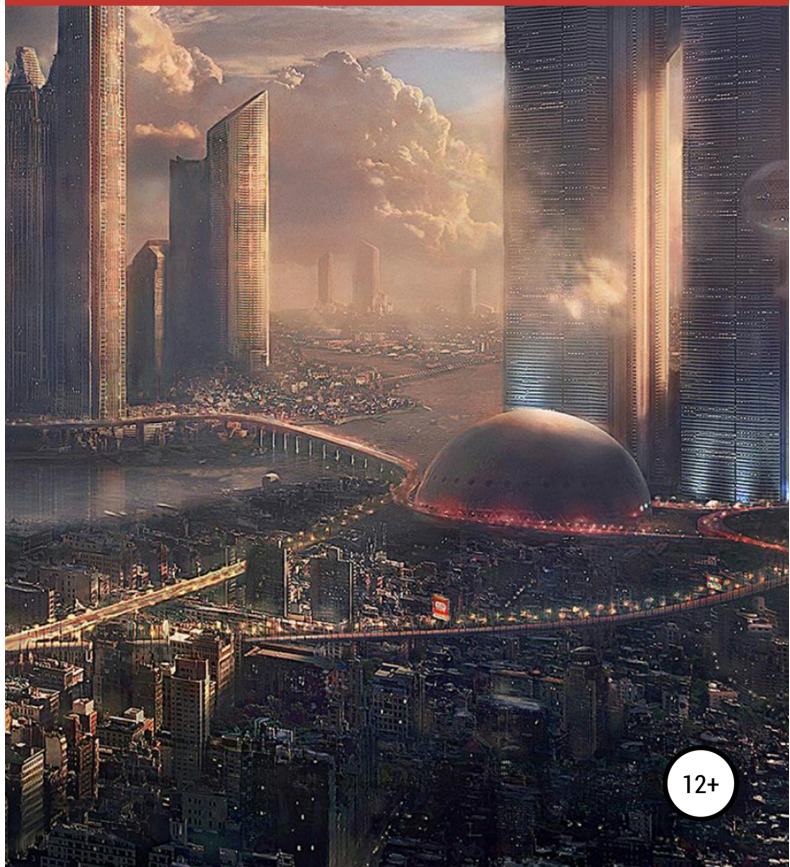

Светлана Куксина

Крысоголовые

12+

Светлана Николаевна Куксина

Крысоголовые

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55893444

SelfPub; 2020

Аннотация

Повесть-фэнтези о нашествии крысоголовых на город. На борьбу с ними встают люди с необычными способностями и побеждают.

У посвятивших себя наживе нет биографии.

О них можно написать лишь даты рождения и смерти.

Вальтер Скотт

Моя бабушка была ведуньей. Именно так.

Она ведала, знала очень многое из того, что обычные люди просто обязаны были знать, но почему-то не знали или не хотели узнавать, упорно проходя мимо этих, по-моему, крайне необходимых в жизни каждого человека познаний.

Проходили годами. Десятилетиями. Веками.

Спотыкались на ровном месте, наступали на одни и те же грабли, но оставались глухи и слепы ко всему, что не касалось лично их; не видели, не чувствовали и не понимали мира, в котором жили.

Семьи рушились, род обрывался, люди не жили, а мучились, но никто не задавался вопросом, почему так происходит, никто не останавливался в раздумье.

Все неслись по жизни, как запряжённые и потерявшие вчера кони, до тех пор, пока пена не повалит изо рта и не забьются в агонии.

И лишь на смертном одре доходило до некоторых, что надо бы как-то иначе пройти по жизни, но – увя... Поздно...

Жизнь не упражнение по чистописанию: не начнёшь новую тетрадку, и из старой листы не выдерешь, не переписешь заново, как бы ни хотелось, как бы ни мечталось в свой последний час.

Болезни одолевали людей и сводили в могилу раньше времени. От многочисленных лекарств польза была. Тем, кто их производил. И не только лекарства, но и их подделки. Эти давали прибыли ещё больше.

В аптеки бегали стар и млад, несли свои кровные безропотно и покорно, словно совсем забыли немудрёную истину: за деньги здоровье не купишь.

От «левой» водки и такого же табака жирели отдельные индивидуумы, сводя массы в ад раньше времени. Но пресловутые представители народа, как крысы за дудочкой, шли и шли в табачные ларьки и в магазины, торгующие спиртным, травились добровольно и совершенно сознательно изо дня в день, совершенно не задумываясь над тем, какую ценность имеет жизнь вообще и их собственная – в частности.

В аду (но уже на поверхности земли) делались состояния, густо замешанные на крови. Чужой.

Но чужой крови не бывает. Она вся человеческая. И дети кровопийц, если не становились добычей близнецов собственных предков, вели жизнь унылую и убогую, которой ни один бомж не позавидует.

Апокалипсис ждали, предрекали, не замечая, что он давно наступил, ибо жаба душила человечество с каждым днём всё сильнее. От самых низов и до самых верхов. И несть числа было её жертвам.

С удавкой на шее кое-как переползли земляне в третье тысячелетие от Рождества Христова.

Ни благородства и чести, ни добра и отзывчивости, ни радости, ни счастья не добавил столь солидный возраст человечеству.

Скорее наоборот...

В душах – сплошное запустение, лень и уныние. Паутина не только по углам, а везде и всюду.

В очерстевших сердцах – лишь шуршание купюр (посчитаем, досточтимые кроты).

В глазах – подозрение и жадность.

В природе – катаклизмы.

Дожили.

Но моя бабушка была ведуньей.

К ста годам у неё было сорок два потомка. Дети, внуки, правнуки, праправнуки. А ещё – нестигаемый стержень внутри и умение слышать людей.

Умение слышать других... Это уже немало...

Но ведь есть ещё и умение помогать. Помогать ненавязчиво, спокойно, доброжелательно... Не всем дано, но моя бабушка владела этим искусством в совершенстве.

А я была счастливой внучкой. Долгие годы, которые не могли пройти бесследно. Мне было уже далеко за пятьдесят, а у меня всё ещё была бабушка. Любимая. Единственная. Неповторимая.

Ах, если бы люди догадывались, как на самом деле всем нужны добрые и мудрые бабушки! Какой это клад! Если бы ценили?!..

С самого детства я слышала, что похожа на свою бабушку и лицом, и характером; и мне приятно было это слышать.

Я радовалась, что похожа на неё внешне, копировала её походку и мимику, смотрела на мир её глазами. Я любила бывать в её маленькой аккуратной квартирке и по молодости лет не замечала, что бабушка ненавязчиво передаёт мне свои знания с самого раннего детства, то играя со мной, то разговаривая, как со взрослой, на равных, то давая мелкие поручения, выполняя которые я поневоле запоминала новое без труда и особых усилий с моей стороны. Так, играючи, я и переняла массу всего необычного, что умела моя бабулька и чего не умело абсолютное большинство людей вокруг.

Бабушка была мудрой женщиной и знала, что лишних знаний и умений в жизни не бывает, а праздность, ничегонеделание – самый худший из пороков. В пустой голове не только ветер гуляет, туда может залететь всё, что угодно.

Я не замечала, что уже с самого раннего детства отличалась от абсолютного большинства детей. Мама моя сначала пыталась протестовать, но бабушка победила.

Я научилась слышать деревья, цветы и даже камни и воду, понимать животных и с одного взгляда определять, что за человек передо мной: хороший он или плохой, здоров или болен (и даже чем болен), чем он дышит и о чём думает в тот момент, когда я на него смотрю.

Я могла предугадать события, помочь человеку избавиться от болезни и не видела в этом ничего необычного. Я была

уверена, что все люди могут то же самое. И все они похожи на меня. И на мою бабушку.

Увы. Много лет прошло, пока я поняла, что это не так. А когда поняла...

Я оторопела и растерялась.

– Люди разные, – спокойно, со своей неповторимой напевной интонацией сказала бабушка, отмечая мою растерянность уже самой этой интонацией. – Ты их не суди. Кому можешь – помоги. Не хочется – себя не заставляй. Не трать силы на подонков. Считай, что их просто на свете нет. Не усиливай их даже мыслями, а тем более словом. Никогда не думай о плохом. Плохое надо просто исправлять. Чего о нём думать?!

Мы сидели на нашем небольшом, далеко не новом, но удобном диване рядышком и лушили фасоль. (У бабушки была небольшая дачка, где она до сих пор выращивала фрукты, цветы, зелень и овощи, и делала это с удовольствием и с молодой сноровкой.) Я обожала такие минуты. Руки заняты делом, а голова свободна, и можно говорить и думать о чём угодно: можно фантазировать, рассуждать вслух и знать, что тебя никто не перебьёт, не высмеет и всё будет понято правильно.

Я с праведным возмущением рассказывала бабушке о пронырливом коллеге, который по головам пройдёт, утопит кого угодно, лишь бы самому выплыть и кусок пожирнее урвать. Что ни день, то кому-нибудь подлянку устроит. И по-

том разговаривает со всеми без всякого смущения: на моей памяти он ни разу не покраснел и не смутился, ни разу не испытал неловкости в тот момент, когда его уличали в очередном неблагоприятном поступке. В общем – ни стыда у человека, ни совести.

Есть такие люди. Бульдозером пройдутся по ближним и дальним в погоне за прибылью. Сметут всех, кто будет стоять на пути, в погоне за эфемерным выигрышем. Асфальтовым катком прикатают.

– Будь борцом, – спокойно продолжила бабушка, ни словом, ни жестом не реагируя на мои трепыхания и тревожнения. – Борись, помогая слабым и незаслуженно обиженным. И их заставляй барахтаться. Не разрешай им сдаваться. На хлебников да захребетников плодить тоже негоже. На спину да на шею себе никого не сажай. Кто ходить разучился, пусть ползёт, пока снова ноги не окрепнут. Каждый получит в конце концов то, что заслужит. Жизнь – штука загадочная. На диване её всю не пролежишь, шашкой поминутно махать тоже не стоит, а голову клонить ни перед кем нельзя. Все мы под Богом ходим. И все перед ним равны. Так что держи голову высоко, совесть береги чистой, род не марай, зла людям не делай. Остальное приложится.

– Ах, бабуля, – вздохнула я. – Посмотри, что с людьми делается. Не только за миллионы убивают, за паршивую автомагнитолу могут человека жизни лишить. За огурец украденный. За кастрюлю. А воруют как?! Особенно те, кто у

власти. Взятки хапают, как будто в преисподнюю с собой собираются вагон денег прихватить. А ты про Бога. Нет его давно в людских душах. Даже намёка на него нет. Свечку в храме ещё поставят, а про Бога в душе давно забыли.

– Забыли, – согласилась бабушка, сохраняя всё то же олимпийское спокойствие, – но не все. Тот, кто рот пошире разинул и кусает пожаднее, не обязательно проглотит откушенное. Многие подавятся. Детей и внуков будущего лишат. А себя уже жизни лишили. Потому что вечно под конвоем, то бишь, под охраной ходят, машины бронированные заказывают и всегда трясутся за существование своё дрянное. А дальше... дальше у них всё только хуже.

А для меня...

Для меня жизнь была всегда радостной.

Каждое мгновение.

С момента пробуждения до момента засыпания. И даже во сне.

Слова «скука» не было в моём лексиконе, я даже не представляла, что жизнь хоть на миг может стать скучной. Дни были заняты до предела, мелькали, как в калейдоскопе, и всё казалось важным и нужным, и я торопилась жить, словно в одну жизнь хотела вместить впечатлений как минимум достаточных для трёх насыщенных событиями человеческих жизней.

И у меня получалось – вот, что было самым странным.

Бежали годы. Мчались как спринтеры. Я с азартом накру-

чивала километры и в результате исходила за это время пешком все места вокруг города на расстоянии сорока километров. Ни дня не могла прожить без движения, словно внутри меня туго скрученная кем-то спираль всё время с бунтом распрямлялась и вырывалась наружу.

Я изъездила добрую половину нашей страны, общалась с огромным количеством людей в разных её точках. Для меня не было проблемой подойти к незнакомому человеку и заговорить с ним. В любом месте. Лишь бы он был мне симпатичен.

Я научилась отлично стрелять из любого оружия: из охотничьего ружья и спортивного пистолета, из пневматической и малокалиберной винтовки, даже из лука не раз целилась и попадала в мишени.

Зачем-то ещё в школьном кружке на заре туманной юности изучила азбуку Морзе и работала с ключом вполне профессионально, с отличной скоростью, словно заправский радист. Прыгала с парашютом. Плавала и ныряла, как дельфин. Научилась водить машину (любую) уже будучи в возрасте, и по мелочи, с самого детства, – мотоцикл, мопед, трактор. Конечно, велик (это уже с самого раннего детства).

Азартно ловила рыбу (только рыболовными снастями, браконьерские орудия лова никогда меня не привлекали) на озёрах и реках, которых было достаточно в нашей области и далеко за её пределами, куда я тоже не забывала наведываться; собирала грибы, лесные ягоды, янтарь на берегу мо-

ря. Даже красивые камешки.

Зачем?

Не знаю.

Интересно было.

Мне всё это было интересно и ещё многое другое. Находились люди, которые называли меня чудачкой, белой вороной и не от мира сего, но меня это нисколько не волновало: сколько людей – столько судеб. И кто сказал, что мы должны быть похожи друг на друга как близнецы. Мир хорош своим разнообразием.

Мы с бабушкой собирали лекарственные травы и цветы, копали корешки и сушили кору, готовили лекарственные сборы, настойки и отвары. Бабушка шептала таинственные заговоры, прогоняя болезни, лечила бесплодие и изгоняла неприятности из чужих жизней.

В свою жизнь неприятности мы не пускали. Вход был надёжно заперт. И странным мне это не казалось. Наоборот, я всегда удивлялась, как люди умудряются натаскать в свою жизнь столько гадостей... то ли головы у некоторых нет, то ли использовать её по назначению их просто не научили...

Когда бабушка решила покинуть этот мир и перейти в другой, я заболела. В это время я была далеко от неё и ничего не знала, потому что бабушка запретила близким говорить мне о себе, и они выполнили её просьбу.

Но...

Мне внезапно стало плохо. Плохо без всякой видимой

причины. У меня болела голова, ломило затылок, мир качался в зыбком мареве, потеряв привычные чёткие черты и ориентиры, а я не могла понять, что со мной происходит.

Я плохо видела, смутно различая лишь очертания предметов вокруг себя, не воспринимала чужие слова (звук шёл словно параллельно, никак со мной не соприкасаясь) и даже ходила пошатываясь и нетвёрдо держалась на ногах.

А потом наступил момент, когда я окончательно поняла, что осталась без бабушки и что к этому миру (без неё) мне ещё нужно привыкнуть. Нужно научиться в нём жить и сохранить не только себя, но и свой род.

Сначала мне показалось, что это невозможно. Бабушка – это навсегда. Это тот, кто всегда не только рядом, но и где-то глубоко внутри. Бабушка – часть меня самой. А разве можно безболезненно отделить от себя какую-то часть?!

Внутри меня зазяла пустота, огромная и страшная. На какое-то время я утратила всякую чувствительность: ослепла и оглохла. Я словно выпала из реальности и не понимала, где я и что со мной.

Мир людей и до этого был мне не слишком интересен, а тут и вовсе перестал существовать. Я часами бродила по лесам, краем уха слушая шёпот сосен и лепетание берёз, жалобные стоны осинки, вечно трепещущих на ветру, бездумно смотрела сквозь них на облака и вспоминала.

Я слышала бабушкин голос, видела её лицо, озарённое редкой при жизни лёгкой полуулыбкой, любовалась её стре-

мительными движениями и однажды поняла – бабушка не ушла! Она здесь, со мной. Навсегда. Только для других она стала невидимой.

Жизнь снова заиграла всеми красками.

У меня была большая семья: муж, дети, внуки, зятя и невестки – всё как положено. Как и должно быть.

Это был мой видимый мир. Радостный. Простой и понятный. Любимый мир. В нём не было и нет места плохому.

Моя бабушка была ведуньей. И уж чему-чему, а как защитить свою семью от всего чужого и враждебного я у неё научилась.

Мы не стали разлетаться по всему свету. Чем ближе друг к другу, тем лучше. Защищённее. Так и жили неподалёку. Дружно, весело и довольно безопасно.

И вот однажды в наш край пришла беда.

Люди ещё не знали о ней. А она уже стояла у порога.

За окном кипела обычная жизнь, а в сердце моём прочно угнездилась тревога. Она пришла ниоткуда, пробралась как тать в ночи, захватила меня целиком и не собиралась уходить.

Трудно бороться с тенью. Тревога опутала меня с ног до головы. Доводила до умопомрачения, но я не могла определить её источник, её точное местонахождение.

Я старалась, но...

Ощущение беды не имело ни начала, ни конца. Оно сливалось с бесконечностью и терялось в пространстве. Лишало

сил, отбирало уверенность.

Бедой был пропитан даже воздух. Ею был отравлен мой организм до последней клеточки. Я и в самом деле стала задыхаться.

Беда повисла не только над городом, она захватила всё: мои мысли, окружающее пространство и весь мой внутренний и внешний мир. Мой собственный дом перестал казаться мне крепостью. Нервы превратились во что-то взрывоопасное: поднеси спичку – и вспыхнет всё вокруг.

Находиться в таком состоянии дома – значит, терроризировать окружающих неконтролируемыми вспышками агрессии или истеричности, потому что волны эмоций, пропитанные негативной энергией, ни одного человека ещё не довели до добра.

Я не собиралась ставить такие опыты над близкими и дорогими мне людьми, поэтому предпочла просто сбежать из-под родного крова. Появившаяся на горизонте проблема требовала разрешения, а для этого нужны были тишина, одиночество и отрешённость от всего и всех.

Мои отлучки из дому в разное время суток (независимо от времени года) не являлись чем-то необычным, не нервировали наше демократичное сверх меры семейство и не вызвали шквала вопросов.

Ушла – значит надо.

Надоест – вернусь.

Вот и всё.

Я всегда любила бродить по лесам и полям за городом, и муж, пусть и не сразу, смирился с этой моей привычкой. У меня было множество особенно любимых мест, куда я сбегала чаще всего. То меня тянуло к воде, то в леса, то на открытые пространства: в песчаный карьер или на высокую гранитную гряду.

Бывало, что и к людям меня тоже тянуло, не к каким-то конкретным человеческим особям, а просто в толпу, тогда я долго гуляла по городу, разговаривая со встречными в городских парках.

А ещё...

На скутере добиралась я до пещер, а затем, оставив его в ближайших густых кустиках, до умопомрачения лазила по лабиринтам и в конце концов изучила пещеры лучше, чем окрестности собственного дома.

Нагромождение камней странным образом успокаивало меня, настраивало на философский лад и в то же время наполняло неиссякаемой энергией.

Сегодня я мчалась туда же, к пещерам. Я очень давно не была там, да и душевное беспокойство никак не могла унять, хотя перепробовала массу способов, вплоть до медитации и релаксации. Ни одно усилие не дало результата, и я рванула к пещерам.

Странно, но вместо того, чтобы уходить по мере приближения к заветному месту, тревога почему-то начала усиливаться. Она уже зашкаливала, нарушая все мыслимые преде-

лы, разрывая меня изнутри на части. Голова гудела, словно огромный колокол. Губы пересохли, как будто я сутки просидела без воды под палящим солнцем пустыни после того, как сутки под ним же вкалывала без пищи и воды.

Я едва держалась на ногах, с трудом сохраняла равновесие и не понимала, что же всё-таки со мной происходит.

А бабушка была так далеко...

И, по-видимому, очень занята...

Ей было не до меня, а мне было плохо. И не просто плохо. Мне было до отвращения тяжело. Я буквально разваливалась на куски.

Неопределённость убивала.

Я спрятала скутер на привычном месте и без сил опустилась рядом. Не только идти – шевельнуться не могла.

Место было диким и абсолютно, просто фантастически, безлюдным. Я потому его и выбрала, что здесь всегда тихо, пустынно, людских голосов не слышно и присутствие на земле других людей никак не ощущается.

Но сейчас это присутствие было ощутимым. Нет, не зрением, не слухом и не обонянием обнаружила я неподалёку от себя явное присутствие посторонних. Я увидела их внутренним взором, ощутила с помощью шестого или какого там по счёту чувства. Сработала интуиция и что-то ещё.

Я просто знала, поняла в какой-то миг, что в моих любимых пещерах кто-то есть. Явной враждебностью и опасностью повеяло на меня от привычного, до боли знакомого ме-

ста.

Это было странно, непривычно, неожиданно, но это было реальностью, к которой мне надо было притерпеться, с которой надо было ужиться.

Я не торопилась покидать своего убежища. В густом кустарнике разглядеть меня было непросто, так что тут я была в относительной безопасности. Тут можно было спокойно подумать, сосредоточиться и принять какое-то решение.

Как только я поняла, откуда исходит угроза, сила начала возвращаться ко мне. Никакой боли, никакой паники, никакого отчаяния. Всё разом стало на свои места, я собралась, в мгновение ока превратившись в сгусток энергии.

Это снова была я. Любимая внучка моей любимой бабушки.

Я бесшумно встала и так же бесшумно двинулась по направлению к ближайшему входу в пещеру. В любое время дня и ночи по самому густому лесу я могла незамеченной проскользнуть куда угодно. Я превращалась в скользящую по воздуху тень, и мои движения не нарушали тишину ни единым звуком.

У входа я прислушалась.

Точно.

Внутри люди.

До меня донёсся еле различимый гул их голосов. Слишком слабый, чтобы его услышал обычный человек, но вполне достаточный для меня. Гул, из которого вычленить отдель-

ные звуки пока не представлялось возможным. Но это – пока...

Я прислушалась, слегка прикрыв глаза, и темнота услужливо обрисовала мне очертания посетителей моей любимой пещеры.

Странные очертания...

Они были достаточно далеко и в то же время совсем рядом. Только руку протяни. Моё подсознание приблизило их ко мне вплотную, и, разглядев их, я вздрогнула.

Моя бабушка в любой ситуации могла сохранить спокойствие сфинкса. Она была хорошим образцом для подражания. Если бы не её школа, я заорала бы от ужаса, увидев спрятавшихся в пещерах.

Силуэты были не просто странными. Они были страшными, хоть и похожими на людские, но...

Снизу их тела были обычными, человеческими. А вот то, что было на месте головы, нисколько не походило на человеческую голову.

Я впала в транс. Да что же это, Господи?! На что это похоже?

Контур фигур приблизился, увеличился в размерах, обрисовался чётче, и я с ужасом увидела, что вполне человеческое тело венчает крысиная голова! Огромная крысиная морда размером с человеческую голову! Шеи монстров тоже были серыми, слегка морщинистыми и покрытыми редкой, гладкой шерстью и нисколько не напоминали человеческие.

Меня непроизвольно качнуло. Что это?! Галлюцинация? Ведь не зря же так болела голова? Или это реальность? Чуждая, враждебная реальность, предвестником которой и было моё внезапное болезненное состояние? Неужели именно так выглядит та опасность, которую я почувствовала давно и никак не могла обнаружить её источник?!

Крысоголовые шли прямо на меня.

Их было немного.

Всего четверо.

А я была одна. И мне было страшно. Я не знала, что делать, но понимала, что уйти, ничего не выяснив и не поняв, я не смогу. Да и кто его знает, успею ли я скрыться, уйти незамеченной?! Ведь понятно, что добра от подобных монстров ждать не приходится. Если меня обнаружат, я навеки останусь в этих пещерах, живой меня точно больше никто не увидит – в этом у меня сомнений не было.

Крысоголовые стремительно приближались, а я всё ещё стояла на месте, словно приросла к матушке земле на веки вечные.

Сбоку, недалеко от входа в пещеру, было огромное нагромождение камней – валунов разных размеров. Между камнями образовались пустоты. Разные: от самых маленьких до таких, где и слона запросто спрячешь.

В своё время я не поленилась и обследовала их все, поэтому сейчас я просто проскользнула вглубь природной каменной постройки, заняла одну такую пустую нишу и зата-

иласть там.

Голоса доносились до меня уже явно. Их услышал бы любой человек на моём месте. Даже самый обычный, пожалуй, даже слегка глуховатый. Слов разобрать было пока нельзя, но парочка голосов показалась мне знакомыми.

Я скорчила лёгкую гримасу, чуть нахмурилась, немного усилий и – вот он результат! Я идентифицировала голос нашего мэра, первым выделив его из хора голосов, а потом узнала и второй. Это был голос директора школы, той самой, где учились сначала мои дети, потом старшие внуки, а теперь и младшие собирались туда же.

Странно, зачем им понадобились заброшенные и забытые пещеры?! Что они делают здесь? Да ещё с такими необычными (чтоб не сказать большего) масками на лицах?

Это были не маски.

Омерзительные крысиные головы сидели на крепких шеях как влитые. Поворот голов вправо, влево, несколько неторопливых шагов, и вот крысоголовые уже стоят на тропинке, вполголоса заканчивая разговор.

Директор школы в привычном костюме вполне узнаваем. Вот он поднял руку в привычном же жесте и провёл пятернёй по голове. Я содрогнулась от отвращения. Крысиная морда не вызывает во мне ничего, кроме брезгливости, сколько бы ни твердили об уме крыс и об их приспособленности к любым условиям жизни. Любоваться крысами я не умею. Тем более в таком варианте: вид бледной человеческой руки на

серой крысиной голове вызывал тошноту. А ещё – галстуки на серых, чуть морщинистых шеях...

Мэра я тоже узнала без труда. Короткие кривые ноги и пивной живот не спрячет никакая крысиная морда.

А вот двое других...

Пока они остались для меня загадкой. К сожалению, для одного из них моё пребывание в камнях, кажется, становилось явью.

Один из тех, кого я не смогла узнать, худощавый, подтянутый и высокий, достаточно атлетически сложенный, вдруг резко закрутил головой и стал принюхиваться. Оскаленная морда, казалось, ещё больше заострилась, тело напряглось, и вся его напряжённая фигура выражала в этот момент одну неприкрытую готовность уничтожить любого, кто осмелится встать на пути. Нос его ходил ходуном, шумно втягивая в себя воздух.

– Тихо, – услышала я его предостерегающий шёпот и увидела, как он насторожился. Троица послушно замерла. – Чувствуете чужой запах? Запах постороннего человека? – он угрожающе оскалил зубы и повернулся лицом к своим спутникам.

Я с трудом заглушила дикий страх, который охватил меня при одном только взгляде на оскаленную мерзкую физиономию, мысленно обвила себя вакуумом и сверху для надёжности накрыла непроницаемым колпаком.

– Нет, – ответил тот, второй, которого я тоже не узнала,

старательно приносиваясь. – Я ничего не чувствую.

– Я тоже, – прошипел мэр, старательно озираясь по сторонам.

– И я, – съёжился директор, глядя себе под ноги.

Незнакомец, который учуял мой запах, резко выдохнул, ещё раз крупно вздохнул, пошевелил носом и с сомнением в голосе произнёс:

– Показалось, наверное.

Похоже было, что червь сомнения всё ещё точил его, но потихоньку сдавал позиции. Я не собиралась рисковать и из-под колпака не вылезала, поэтому всё происходящее вокруг было словно подёрнуто туманом, а звуки доносились не совсем чётко, как-то глуховато, но общая картина была мне ясна.

Крысиный нос незнакомца ещё некоторое время подёргался и затих.

– Сюда никто не ходит, – шёпотом выдавил из себя мэр и испуганно огляделся. – Кому нужны заброшенные пещеры?! К тому же оно далеко от города, это место. Дороги сюда нормальной нет. Достопримечательностей тоже никаких. Жилья поблизости не наблюдается. Самое безопасное место для встреч.

– В следующий раз встретимся в заброшенном карьере, – сказал первый незнакомец. Он всё ещё приносивался и был настороже, но чувствовалось, что накал подозрительности ослаб и никаких мер не последует. Видимо, он был главным

в этой четвёрке уродов, потому что с ним никто не спорил, и голос его звучал гораздо громче и увереннее, чем у его собеседников.

– Можно и там, – безразлично пожал плечами мэр. – Всё равно у нас практически всё готово, всё под контролем, так что бояться нечего.

– Чужаков в городе нет, – вклинился в разговор второй незнакомец. – Мои люди скупают всё жильё, которое выставляется на продажу, все земельные участки, магазины и ...

– И вообще всё, что можно скупить, – продолжая перечень, с тайной завистью в голосе ухмыльнулся директор школы. – Оно и не удивительно. С такими-то деньгами...

«Интересно, – мимолётно подумала я и снова нырнула в вакуум, – как они сюда добрались? Не пешком же притопали?»

Я нигде не увидела и не ощутила присутствия техники, в которой обязательно был бы водитель или охранник, или тот и другой вместе.

Не успела я подумать о транспорте, как до меня донёсся еле слышный звук – это явно работал двигатель.

Четвёрка крысоголовых степенно прошла в сторону заброшенной дороги, которая уходила вбок, чуть не доходя до пещер, и вскоре к ним подъехал огромный чёрный вездеход. Они загрузились в машину и уехали, а я облегчённо вздохнула.

Некоторое время я прислушивалась к окружающему, но

вокруг царила тишина, и я успокоилась. Посидев ещё немного в своём убежище и окончательно убедившись в том, что мне ничего не грозит и неожиданностей больше не будет, я выбралась наружу.

Идти в пещеры не хотелось. После посещения их крысоголовыми они потеряли для меня всякую привлекательность. Мне было откровенно страшно. Брезгливость тоже никуда не делась; порою она даже заглушала страх.

Прислушавшись к голосу разума, который вопил во всю глотку, я уж было совсем собралась идти к своему скутеру и ехать от греха подальше домой, как вдруг словно что-то подтолкнуло меня в направлении пещер. То есть, буквально. Думала о том, чтобы направляться к дому, а сама пробиралась к входу в пещеру и лезла в неё.

Зачем?

На этот вопрос я ответить не могла.

При всём желании.

Я не знала, что меня туда тянет, зачем я по собственной воле сую голову в петлю, но с маниакальным упорством лезла вперёд. Я давно оставила позади небольшой пещерный зальчик – обычное место своих посиделок и раздумий – и упорно пробиралась дальше.

Голос разума окончательно охрип от крика и умолк, осознавая своё полное бессилие в данной ситуации. Впрочем, не в первый раз.

Коридоры стали уже, прохладнее и темнее, но меня это не

останавливало. Неведомая сила гнала меня вперёд.

Куда?

«Наверняка в преисподнюю, – мрачно пошутила я сама над собой. – И чего я там забыла? Что хочу обнаружить? И, главное, зачем, с какой целью я ищу неизвестно что?»

Увы. На все мои явно риторические вопросы ответов не предвиделось, хотя можно было ответить одним словом – не знаю.

И без того достаточно узкий коридор внезапно раздвоился, и каждый рукав был ещё уже своего прародителя. Я, не раздумывая ни одного мгновения, по какому-то наитию пошла по правому его крылу и вскоре упёрлась в закрытую дверь.

Нет, она не бросалась в глаза и на ней не висел амбарный замок. Всё было тщательно задекорировано пещерным камнем, но я знала, точно знала, что передо мной стена, в стене – дверь и она закрыта.

Я на мгновение прикрыла глаза, настроилась на окружающее пространство, старательно стала его сканировать и почувствовала, что за дверью – пространство. Огромное. Оно напичкано чем-то и ... кем-то. Или мне показалось, что там есть кто-то живой. И не один.

Перед глазами мельтешили какие-то тени, но большинство предметов были недвижимы.

Помещение явно не пустовало. Пустое место посылает совсем другой сигнал. И ещё я вдруг ясно ощутила, что, если

я не хочу попасть в беду, обратиться отсюда мне надо немедленно, что я и сделала с самой доступной мне по быстроте скоростью.

Я пулей вылетела из мрачного подземелья, мгновенно оседлала верный скутер и рванула домой, словно за мной черти гнались.

Думать о крысоголовых не хотелось, но не думать о них я не могла...

Домашние дела я выполняла машинально, словно робот. Загадочные крысоголовые не выходили у меня из головы, но я ничего не могла понять из того, что увидела, и ничего не могла хоть как-то объяснить. Липкий, но, к счастью, вполне управляемый страх, остался. Примириться со страхом я могла, а вот с появлением крысоголовых монстров в моём любимом городе – нет.

В самом деле, город, в котором я родилась, выросла и живу, дорог мне ещё и тем, что здесь же обретают мои потомки – продолжатели рода, и за них я боюсь гораздо больше, чем за себя.

Я не могу позволить, чтобы крысоголовые испортили жизнь моим детям: добрые дела не замышляют, прячась в катакомбах.

И всё-таки, что у них на голове: маски или...

Ночь я промучилась без сна, а к следующему утру в моём воспалённом мозгу появилась лишь одна слабенькая, дельная, как мне показалось в тот момент, мысль: а не сходить

ли в школу и не повидаться ли с директором. Вдруг я пойму хоть что-нибудь, когда его увижу.

Предлог долго изобретать не нужно – очередной внучке скоро идти в школу. Вот и пойду выспрашивать об условиях приёма, обучения и так далее. Разве трудно сыграть поглупевшую от возраста бабушку-перестраховщицу, которая нещадно трясётся над любимой внученькой.

К директору меня пускать не хотели. Зачем?! Вот секретарь. Она документы принимает. Ах, вам этого мало?! Пожалуйста к завучу, она ответит на все ваши вопросы. Так как пожаловать к ней я тоже не возжелала, она пожаловала сама, но толку от этого больше не стало. Только участников мизансцены прибавилось.

Меня уговаривали уже в два голоса, я же, словно внезапно оглохшая и отупевшая, упорно толклась под дверь директора, поправляла нахлобученный на самые глаза косматый седой парик и сверху платок и бубнила, как заведённая:

– Дочка велела всё у самого начальства спросить. У самого главного. А кто тут главнее директора? Нету никого. Вот, значит, мне к нему и надо. К директору, то есть. К самому. Лично. А то что я дочке скажу?! Зачем тогда и ходила?!

Моя тупость была вознаграждена. Настойчивость – вот истинный двигатель любого дела, в который раз я убедилась в этом!

Бедные женщины были уже в мыле и отчаялись оттереть меня от заветной двери, когда эта дверь вдруг резко распах-

нулась и на пороге появился директор собственной персональной.

– Иван Иванович! – возопили страдальцы, пытаясь одновременно выдать из себя фальшивые улыбки и пригладить растрепавшиеся волосы.

По-моему, ни одна попытка не удалась, и они предстали перед собственным начальством в весьма непрезентабельном виде: красные, растрёпанные, с одинаковым диким оскалом на лицах и с выпученными от чрезмерных усилий глазами, практически вылезавшими из орбит.

– Тут бабушка пришла, хочет внучку в нашу школу определить, – выдали они хором, и Иван Иванович соизволил милостиво мне улыбнуться, окидывая с ног до головы ледяным взглядом.

– Правильный выбор, – елеинным голосом произнёс директор, но при этом так посмотрел на меня, замораживая взглядом, что более впечатлительный человек мог бы и в обморок упасть. Я же даже не вздрогнула. Встреча у пещер оказалась хорошей закалкой; и уж если я там удержалась от визгов и обмороков, то ледяной взгляд – это просто мелочь, на которую и внимания обращать не стоит.

– Наша школа – самая лучшая в городе, можете в этом не сомневаться. Приносите документы, пишите заявление и оставляйте секретарю, – всё с той же наклеенной на лицо фальшивой улыбкой вещал он. Глаза его при этом несколько не потеплели, но меня это мало волновало. Вернее, не вол-

новало вовсе. Гораздо более важным был для меня тот факт, что я окончательно убедилась – возле пещер был именно он.

И он меня не узнал.

Значит, моё инкогнито не раскрыто.

И слава Богу!

Я волочила ноги в сторону дома и думала. Ну, убедилась я, что вчера у пещер был этот же самый директор, только с крысиной головой. Сегодня голова у него вполне нормальная, но я упорно видела перед собой и вчерашнюю. Она словно просвечивалась через обычную, человеческую голову, и видна, по-моему, была только мне.

Убедилась, и что дальше? Что всё это значит? Как им удаётся менять одну голову на другую? Зачем они поплёрлись в пещеры? Что за тайны мадридского двора появились в нашем городе?

Крещенский холод во взгляде директора меня не волновал, а вот его крысиная голова, которая то появляется, то исчезает, – очень даже.

Но что предпринять?!

Что касается остальных крысоголовых, то...

К мэру мне так просто не подобраться. Это ясно. Кто двое других – вообще пока неизвестно. Короче, сплошной мрак. И даже в конце туннеля света не видно. Придётся брести, как ёжик в тумане, и даже хуже, потому что в тумане хоть что-то да разглядишь при большом желании, а во мраке – ничего не увидишь, сколько ни пялься.

Зачем я в этот мрак лезу – вопрос опять риторический. Подразумевается, что на него ответа нет и не будет, а глупая моя голова вполне может расстаться с плечами. За здорово живёшь. И без всякой пользы.

Понять я ничего не поняла, но зуд ощутила во всём теле сразу. И что прикажете?! Так с этим зудом и оставаться?!

Ну-у-у уж, дудки!

Работа у меня была не пыльная. Сидела в конторе, шуршала бумажками. Мелкий клерк в женском роде. Никуда особо не лезла. Для меня настоящая жизнь всегда была за пределами конторы.

Пенсия нагрянула как-то слишком быстро. Освободила от надоедливого сидения в родной конторе – спасибо ей! – и окончательно лишила меня тормозов. Теперь я могла пропадать в лесах и окрестностях чуть ли не круглые сутки, что я с радостью и делала.

Политикой я никогда не интересовалась, большими деньгами тоже. За каким они мне?! Свобода дороже.

И вот эту свободу у меня и отобрали. Разве могу я безбоязненно ходить везде и всюду, как раньше, если так и стоит перед глазами нюхающая воздух вокруг себя мерзкая крысиная морда?!

Бр-р-р!

Вот в чём дело, оказывается. Я собираюсь отстаивать свою свободу. И не только свою.

Как только я поняла, что никуда мне от этой проблемы не

даться, в голове что-то щёлкнуло и разогнало тоску и мрак, на какие-то мгновения оккупировавшие моё сознание. Значит, решение принято правильное.

И выражается оно одним словом – борьба!

Я рванула домой, чтобы успеть посмотреть областные новости. Если двое – руководители, то ясно, что и оставшиеся не дворники. Уж слишком уверенно держатся. И пусть я терпеть не могу ящик, то бишь телевизор, я вполне могу увидеть в новостях кого-либо из крысоголовых и узнать их по голосам, жестам или просто почувствовать.

Я не ошиблась в своих способностях. Я их сначала почувствовала, а потом узнала. С разницей в секунду.

На моё счастье, в новостях показывали совещание, где руководители разных областных ведомств сидели за круглым столом и где перед каждым стояла табличка с фамилией и должностью.

Нет, не зря я побила все скоростные рекорды, когда мчалась домой на всех парах. Я узнала их сразу. В одно мгновение. И даже рассмеялась. Конечно! Как до меня сразу не дошло?! Ведь это так просто!

Один из них был директором банка. Это тот, кто хвастался, что его люди всё в городе скупают. Можно сразу было понять по одной этой фразе, кто говорит. Где деньги, как ни у банкиров?!

Другой, который принюхивался и прислушивался и чуть не раскрыл моё инкогнито, был начальником милиции. Вот

уж точно человек (человек ли?) на своём месте. Вынюхает даже то, чего нет.

Впрочем, я там была, так что не стоит на него (хотелось сказать – на человека, но в последний момент спохватилась, всё-таки голова у него была крысиной) напраслину возводить. Вынюхал он всё правильно. Ему по должности положено знать, где что происходит.

Итак, что мы имеем?!

А имеем мы следующее.

Четыре наших городских шишки зачем-то лезут в пещеры, меняя при этом собственные головы на крысиные. Потом возвращаются обратно, и снова морда лица (как шутят в народе) на месте.

Вот такая странная метаморфоза...

И что это нам даёт?

А ни фига это нам не даёт, кроме головной боли.

Я по привычке впихнула палец в рот и вгрызлась в ноготь. Почувствовала боль в мизинце, оторвалась от любимого занятия, посмотрела на руку – опять изгрызла палец до крови!

«Что за мерзкая привычка, – вздохнула я, – чуть задумаюсь и сразу ногти грызть принимаюсь. Пора бы уже и отвыкнуть».

Но во время этой вредной процедуры ещё одно воспоминание всплыло: они ведь не о рыбалке говорили, не о шашлыках, а о делах вполне серьёзных. И тут возникает целый ряд вопросов. Зачем скупать всё жильё в городе? Что значит

«всё под контролем»? Это выходит, что и меня они желают взять под свой контроль?

Ну, ну... Флаг вам в руки, ребятки... Посмотрим, как это у вас получится... Кроме меня самой (и то плохо и далеко не всегда) никому никогда не удавалось взять меня под контроль. Я даже рассмеялась.

Хлопнула себя по лбу. Чего я маюсь, глупая?! Середина мая. Школа работает. Почему бы мне и не повертеться рядом. Сделаю вид, что внуков встречаю. Переоденусь, подгримируюсь и послежу за директором. Авось куда-нибудь он меня приведёт. Всё равно из всех – это самый доступный объект. К другим мне пока не подобраться, а к этому – вполне...

Чтобы не тратить время на голые размышления, а хоть как-нибудь, но начать действовать, я не стала откладывать в долгий ящик задуманное, хотя и не совсем понимала, как я осуществлю слежку и что это мне даст.

Ничего мне это не дало. Директор вышел из школы, сел в машину и был таков. Я растерянно поморгала ему вслед, посмотрела по сторонам и опять принялась грызть ногти, но вовремя одумалась. Грызи не грызи, а директор – тью-тью.

С досады я закрыла глаза и вдруг ясно увидела, что директор едет по направлению к дому. И дом увидела.

Пустой.

В смысле: во дворе не бегали собаки, не лежали на солнышке кошки, и внутри дома никакого движения не было. Но дом был явно обитаем: на окнах висели занавески, ком-

наты мебелированы, двор ухожен. Вокруг ни намёка на неухоженность и запустение, но не сам ведь директор бегаёт по участку с метлой?!

Способность видеть на расстоянии сквозь сомкнутые ресницы приходит ко мне сама собой. Я никак не контролирую этот процесс и даже забываю, что такой фокус частенько мне удаётся. Но сегодня я обрадовалась этому своему умению.

Правда, радовалась я недолго. Я ещё стояла на месте, таращилась в пустоту полузакрытыми глазами и разглядывала директорское жилище, как вдруг услышала рядом детский голосок, тихо произнёсший:

– Тётяшка...

Я вздрогнула и очнулась. Передо мной стоял небольшой мальчишка. Невысокий, розовощёкий, с очень серьёзными серыми глазами, он явно учился во втором – третьем классе, не старше. Он требовательно смотрел на меня, но ничего больше не говорил.

– Что тебе, мальчик? – поинтересовалась я, переводя дыхание и снова начиная нормально дышать, внезапно сообразив, что я замерла на вдохе да так и застыла. Хорошо, что он меня окликнул, а то ведь так и задохнуться недолго.

– А вы почему так долго вслед машине нашего директора смотрите? – поинтересовался малыш на полном серьёзе. Взгляд его ничуть не изменился. Он так и продолжал смотреть на меня строго и требовательно, и я не смогла увильнуть от ответа. Надо было что-то отвечать. Но что?!

Сказать правду я не могла. Представляю бедного ребёнка после моих слов: «Ты не замечал, что у вашего директора крысиная голова?» А врать не хотелось.

Мысленно поругав себя за неосторожность, я отвертелась с помощью вечного вопроса:

– А что, нельзя?

– Нежелательно, – строго сказал мальчишка. – Он этого не любит. Он вообще не любит, когда на него смотрят пристально или подходят вплотную.

– А ты откуда знаешь?

– Я за ним давно наблюдаю. Исподтишка.

– Зачем? – удивилась я.

Мальчик сжал губы, глубоко вздохнул и пронзительно посмотрел мне прямо в глаза. Взгляд был не детский, и я невольно поёжилась.

– А вы ничего не заметили? – поинтересовался он наконец тихим голосом, когда наш долгий обмен взглядами закончился.

Мои глаза предательски скользнули в сторону, я почесала лоб правой рукой и закусила нижнюю губу, но так и не сообщила, что сказать. Всё-таки ребёнок...

– Значит, заметили, – сделал он правильный вывод и в задумчивости похлопал ладонью себя по ноге.

– Ты о чём? – всё ещё лукавя, бросила я на него быстрый взгляд.

– Разве вы не видите, что у него две головы: одна нормаль-

ная, как у всех людей, а другая – крысиная, – тихо сказал малыш, наклонившись ко мне. – Крысиная прячется внутри обычной и слегка просвечивается; иногда она видна очень чётко, а иногда – еле-еле, но я всё равно всегда её вижу.

– А ты кому-нибудь говорил об этом? – так же тихо поинтересовалась я, тоже наклонившись к нему. Наши головы соприкоснулись. Наверное, издали мы были похожи на двух заговорщиков.

– Не-а, – решительно помотал он головой. – Пробовал... правда... так... намёками... Глаза таращат, а о чём речь, так никто и не врубился.

– Знаешь, – решительно предложила я, – давай-ка от школы уйдём. От греха подальше. Посидим в парке на скамеечке. Там и поговорим. Да это и удобнее, чем посреди улицы стоять.

Он согласно кивнул головой, мы дошли до парка и устроились на пустой скамейке, стоящей в отдалении от других под одиноким деревом. Те скамьи, за которыми росли густые, высокие кусты, мы отвергли не сговариваясь. Не стоит испытывать судьбу. Бережёного, как известно, Бог бережёт.

– Я видела его крысоголовым, – твёрдо сказала я, едва приземлившись на жёсткое сиденье деревянной скамейки, понимая, что играть в кошки-мышки с этим пацаном вовсе не стоит. – И не его одного. И что ты об этом думаешь?

– Плохо это, – сказал малыш и вздохнул совсем по-взрослому. – Надо что-то делать, только я не могу придумать –

что.

– А не страшно? – с любопытством посмотрела я на своего малолетнего собеседника. Вспомнила, как сама в лесу чуть не заорала от страха, когда увидела дикие силуэты. А он ведь совсем ребёнок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.